

Что же касается общества, то оно может развиваться только в параметрах оптимизации. По той фундаментальной причине, что Господь сделал человека свободным. А это означает, что если один избирает пути добра, то другой — пути зла. Поэтому идеальное общество принципиально недостижимо и представляет собой химеру.

Игорь Клямкин:

Спасибо, Игорь Григорьевич. Ваша позиция понятна: человеку — идеалы, обществу — оптимизация. Менее понятно, как оптимизировать такое, например, общество, как нынешнее российское, и кому эту миссию предстоит осуществить. Но я бы все же попросил вас пояснить, на каком основании вы отвергаете тезис докладчика о России как несостоявшейся цивилизации. Вадим Михайлович свою точку зрения обосновывает, а вы ее отбрасываете без обоснований. Было бы полезно, если бы вы этот пробел хотя бы отчасти восполнили.

Игорь Яковенко:

Мы должны говорить о том, каковы критерии существования цивилизации. Я нахожусь в рамках теории локальных цивилизаций. Эта теория имеет несколько критериев, на основании которых может быть выделена цивилизация.

Цивилизация, с моей точки зрения, фиксируется и формируется одновременно с возникновением некоторой ментальности. Ментальность — довольно сложная категория, о чем я на прошлых семинарах уже говорил. Предельно обобщая, это система, задающая стратегии понимания окружающего мира. Она позволяет давать имена вещам и событиям, объяснять их и вырабатывать типичные, стандартные реакции на жизненные ситуации.

Так вот, в Московии где-то к XVII веку и сформировалась та ментальность, которая, на мой взгляд, обеспечивает континуитет и сохранение самоидентичности этой цивилизации. До сегодняшнего дня в базовых характеристиках ее сущность остается неизменной.

Эмиль Паин:

А в чем ее неизменность?

Игорь Яковенко:

Ответ на этот вопрос потребует долгого разговора. Если мы с вами сейчас начнем его обсуждать, то уйдем от основной темы. Я об этом шесть книг написал.

Игорь Клямкин:

Речь как раз идет об одном из важных тематических сюжетов доклада. Жаль, что вы не удовлетворили наше с Паиным любопытство. Я лично не понимаю, на основании каких критериев Россия выделяется в особую цивилизацию. Мне, как и Межуеву с Паиным, такое выделение кажется безосновательным, и я оставляю за собой право в своем выступлении к этому вернуться.

А сейчас — слово Андрею Пелипенко.

Андрей Пелипенко:

«В актуализации „русской идеи“ я усматриваю попытку реанимировать умершее утопическое сознание»

Я попробую представить несколько своих позиций по поводу и доклада, и начавшейся дискуссии. Хочу сказать, что на меня текст Вадима Михайловича

тоже произвел очень благоприятное впечатление. Удачная композиция, хороший стиль, доклад читаешь с удовольствием, что не часто бывает. Говорю совершенно искренне, а не ритуально.

Что касается сути написанного, то я все время задавал себе вопрос: о чем все же идет речь? Что это — анализ реального положения дел или некая рефлексия о Должном? В ходе дискуссии прояснилось, что это именно рефлексия о Должном и что соотносить ее с историко-культурными практиками, в общем-то, бессмысленно. Автор подтверждает: да, бессмысленно. Но если вопрос о соотношении с историко-культурной реальностью отпадает, то возникает другой вопрос: что же это за умонастроение, которое рождает такой подход?

За этой рефлексией о Должном, как и за самой идеей Должного, стоит, как мне представляется, некая культурная манипуляция. Причем я исхожу из того, что культура — это не концепт, не какое-то безличное пространство. Культура для меня — это субъект, который манипулирует человеком...

Эмиль Паин:

Где же этот субъект искать? Где он бродит?

Игорь Клямкин:

Извините, но в эту сторону мы сейчас не пойдем. Что-то по данному поводу Андрей Анатольевич говорил на предыдущих семинарах, что-то к сказанному им добавлял в своих выступлениях Игорь Яковенко, но если мы теперь в это начнем углубляться, то к докладу Межуева, боюсь, уже не вернемся.

Андрей Пелипенко:

Так вот, ей, культуре, нужно, очевидно, чтобы существовала такого рода интеллектуальная рефлексия. И при этом чтобы ставились вопросы, на которые заведомо не может быть получено ответов. Я убежден, что большинство авторов, на которых Вадим Михайлович ссылается в докладе, подсознательно боялись получения конкретных ответов на свои вопросы о том, что и как нужно изменить в России и Европе. Потому что такие ответы сделали бы само существование этих мыслителей бессмысленным.

Эта самодостаточная, самодовлеющая мыслительная практика не просто не соотносима с действительностью, но стремится как можно быстрее от этой действительности отвернуться. Вот и Вадим Михайлович только что подтвердил: у славянофилов речь шла не о реальной сельской общине и реальном церковном приходе, даже не о реальной церкви, а о церкви идеальной, церкви воображаемой, не имевшей ничего общего ни с реальностью, ни даже с ее тенденциями. Отворачивание мысли от действительности происходит потому, что столкновение с действительностью для такой мысли губительно.

Игорь Клямкин:

В вашей логике, как я ее понимаю, такой отлет мысли от реальности провоцируется культурой тогда, когда она не обнаруживает в себе ресурсов для решения проблем, в реальности уже просматривающихся. Это своего рода признание культурой тупиковости конкретной исторической ситуации и своей неспособности предложить конкретный проект выхода из нее. Будучи не в состоянии ответить на вызов времени, она отстаивает свое право на существование отыскиванием ответов в вечности. Так?

Андрей Пелипенко:

Можно, наверное, и так сказать. Но важно понять и то, откуда черпается в подобной ситуации представление о вечности. Так вот, Должное, по поводу которого рефлектирует докладчик и цитируемые им авторы, не будучи соотнесенным с реальностью, соотносится с некими абстрактными универсалиями.

Есть такая старая традиция, идущая еще от Вико, Гердера и, далее, от Канта. Ее приверженцы считали, что существует набор категорий, универсальный якобы для всех культур, но в каждой из них наполняющийся разным содержанием. Это категории права, морали, свободы. На самом же деле, это не универсальные, а чисто европейские понятия.

Современная мысль в последние десятилетия пришла к выводу, что никаких универсальных категорий нет вообще. Причем речь идет даже не о постмодернизме с его релятивизмом, от апологетики которого я очень далек, как далек и от плоского позитивизма. Речь идет о реконструкции того или иного культурного контекста с его собственными, а не привносимыми нами в него категориями. Скажем, если категории собственности в Древнем Египте не было, то категория эта ничего нам в древнеегипетской реальности не объяснит.

Универсальных категорий, повторяю, не существует. Например, то, что европеец понимает под свободой, а ее понимание докладчиком чисто европейское, на универсальное никак не тянет. Тем самым я хочу сказать, что свобода или стремление к свободе не может претендовать на антропологическую константу. Не более того. Поэтому реконструировать внутренний контекст той или иной неевропейской культуры с помощью этой и других категорий культуры европейской заведомо не получится.

Конечно, возможности такого реконструирования ограничены в любом случае. Они ограничены возможностями языка — ведь язык-то наш — научный или философский — он опять-таки европейский, а потому неизбежно искажающий исследовательскую призму, сквозь которую мы рассматриваем реальность. Поэтому правомерно говорить о реконструкции лишь в пределах возможного. Но при этом вовсе не обязательно приходиться к абсолютному релятивизму, потому что есть же и что-то такое, что позволяет нам применительно ко всем человеческим общностям использовать слово «культура».

Но это не то, о чем говорит Вадим Михайлович. Во всяком случае, то, что для него универсализм, для меня таковым не является. Для меня это вымышленная конструкция, на основании которой выстраивается столь же вымышленное представление о некоем универсальном Должном...

Вадим Межуев:

Разум, по вашему мнению, не универсален?

Андрей Пелипенко:

Разум в европейском понимании, конечно, нет. В Индии, скажем, совсем другой разум.

Вадим Межуев:

А научный разум?

Андрей Пелипенко:

Он может присутствовать в других культурах ровно настолько, насколько они освоили европейскую систему научного мышления.

Вадим Межуев:

То есть закон всемирного тяготения существует для меня только потому, что я европеец?

Андрей Пелипенко:

Я говорил о вполне определенных представлениях об универсальном, которые кажутся мне заведомо неадекватными. Представлениях об универсальности понятий свободы, права, морали, любви. Для меня очевидно, что эти дискурсы универсальными не являются.

Вадим Межуев:

Я же сделал оговорку в докладе: в «русской идее» речь шла об универсальности в пределах только христианского мира, т.е. о христиански трактуемой универсальности.

Андрей Пелипенко:

А что такое христианский мир в современных условиях? Он представляет собой сегодня диффузное сообщество с нехристианскими вкраплениями. Христианского мира в его традиционном виде уже не существует. Достаточно вспомнить хотя бы бесконечные бодания России с Европой...

Вадим Межуев:

Если универсальность бессмысленна, то что осмысленно?

Андрей Пелипенко:

Я не сказал, что универсальность бессмысленна. Я хотел сказать, что на таких основаниях, которые вы имеете в виду, ее обнаружить нельзя.

Вадим Межуев:

А на каких можно?

Андрей Пелипенко:

Об этом надо делать отдельный доклад. Походя я об этом говорить не возьмусь.

Вадим Межуев:

Мне кажется, что под универсальностью вы понимаете универсальность природного типа, т.е. существующую объективно, и переносите ее на исторический мир. Но природа и история — это разные универсумы. Универсальность в истории существует, как правило, в индивидуальной форме. Любая культура универсальна для носителей этой культуры, но отсюда не следует, что она универсальна для всех.

Андрей Пелипенко:

Вадим Михайлович, вы только вслушайтесь в словосочетание «универсальность не для всех». Если не для всех, то это уже не универсальность.

Вадим Межуев:

Но именно это и отличает историческую универсальность от природной. В истории действуют не безличные законы, а люди со своими ценностями. Ценность не следует смешивать с законом — это понимали все неокантианцы. В отличие

от универсальных законов природы, действующих независимо от людей, ценности универсальны для тех, кто их признает в качестве таковых, т.е. в силу не объективных, а субъективных причин. Если они признаются всеми (такие ценности мы называем общечеловеческими), то их универсальность предстает во всеобщей форме, если только частью людей — в особенной форме. Но в любом случае ценность для тех, кто ее признает, универсальна.

Попробуйте, например, убедить христиан или мусульман в том, что их религиозные ценности не универсальны. Как ученый, вы, конечно, будете настаивать на том, что они ошибаются, принимая свою веру за единственно верную или универсальную, но согласиться с вами смогут лишь при условии отказа от своей веры. Разумеется, ценности (или универсалии) могут, повторяю, существовать и во всеобщей форме, в форме общечеловеческих ценностей (к ним я отношу, прежде всего, ценности науки и права), но для этого необходимо выйти за пределы мифологического и религиозного сознания.

Андрей Пелипенко:

Так я же и не спорю с тем, что в исламском мире — свои универсалии, у романтиков — тоже, равно как и у мыслителей Просвещения... Но если так, то само слово «универсалия» оказывается здесь ни к чему. Потому что если в каждой культурной традиции есть своя модель универсальности, то тогда как мы назовем следующий уровень обобщения?

Вадим Межуев:

У каждой культуры свой универсум.

Андрей Пелипенко:

Универсум один. На то он и универсум.

Вадим Межуев:

В пределах одной культуры он действительно один. Но ведь культур много. Интересно: откуда, с какой культурной точки глядя, вы видите, что он один?

Игорь Клямкин:

Славно пообщались. Насчет того, что в каждой культуре представление об универсальности свое, вы вроде бы договорились. Хотелось бы еще понять, какие культуры и почему способны распространять свое представление за свои пределы, а у других получается только заимствовать. Но давайте вернемся все же к докладу Вадима Михайловича. Вы, Андрей Анатольевич, не приемлете пафос этого доклада, потому что видите в нем попытку в виде «русской идеи», тоже претендующей на универсальность, реанимировать умершую идею Должного...

Андрей Пелипенко:

Я вижу в этом желание, Вадимом Михайловичем подтвержденное, реанимировать утопическое сознание, которое умерло тоже. Оно возникло исторически, и жизнь его не может быть вечной. О том, нужно оно или не нужно, можно, конечно, спорить, но вопрос этот скорее схоластический.

Мы видим, что культурная ситуация в мире изменилась. Мы видим такие изменения в той же европейской ментальности, ранее предрасположенной к утопизму. Этот тип сознания вырождается, превращается в фарс или просто распадается, что сопровождается снижением надситуативной активности, т.е. снижением спо-

способности к видению, прогнозированию и проектированию представлений о будущем. Оно становится для людей все более страшным и все менее интересным.

Это не просто смена настроений. Речь идет о некотором изменении психологической конституции человека, в результате чего и произошло то, о чем я говорю. Из чего возникло в свое время утопическое сознание? Из того, что когда Бог умер, оставленное им место оказалось пустым и продолжало работать очень сильным магнитом. Магнит заполнился секулярными или частично секулярными идеями — свободой, равенства, братства, которые стали претендовать на божественную универсальность. Из этого и выросла светская утопия Европы.

Ну, а где утопия, там и антиутопия. Кстати говоря, еще не известно, «Город солнца» Кампанеллы — это утопия или антиутопия. Тут есть о чем подумать. Но это лишь кстати. И все это вчерашний и позавчерашний день.

Вадим Михайлович сказал, что утопия возникает там, где побеждает свобода. Если так, то я не знаю, что делать с утопиями Томаса Мора и того же Кампанеллы. Можно ли их трактовать в духе победы свободы?

Вадим Межуев:

Истина, красота — это тоже утопия?

Андрей Пелипенко:

Это идеи. А утопия — это не просто провозглашение какой-то идеи, какого-то идеала, это всегда какой-то проект, ориентированный на осуществление. Так вот, сейчас этот, условно говоря, аттрактор засох окончательно.

Вадим Межуев:

Свобода, равенство, справедливость — это все утопия?

Андрей Пелипенко:

Нет, утопия — это, повторяю, проект общественного устройства, сконструированный на основе этих идеалов, которые заменили идею Царства Божьего. Отсюда, однако, вовсе не следует, что любой социальный проект — утопия. Например, у США был проект Града на Холме, отнюдь не утопический. Он имел лишь некоторые черты утопии, но в основе своей был, скорее, реалистическим. И он реально воплотился в жизнь.

Вадим Межуев:

А почему Декларация прав человека и гражданина не есть утопия?

Андрей Пелипенко:

Потому что ее действительно пытаются соблюдать. Точнее, ее навязывают, заставляют соблюдать.

Вадим Межуев:

Вас заставляли жить и при социализме, но от этого он не переставал быть для вас утопией.

Андрей Пелипенко:

Видите ли, меня заставляли соблюдать моральный кодекс строителя коммунизма, который был утопией и который я не соблюдал. А Декларация прав соблюдается, хотя и не везде.